
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 102—118.

Woman in Russian Society. 2022. No. 4. P. 102—118.

Научная статья

УДК 930.85(470+571)

DOI: 10.21064/WinRS.2022.4.9

РОЛЬ ЖЕНЩИН В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ: ПОЗИЦИИ МЫСЛИТЕЛЕЙ XIX в.

Ольга Александровна Воронина

Институт философии, Российская академия наук,
г. Москва, Россия, olga-voronina777@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются и выделяются наиболее значимые идеи мыслителей XIX в. о роли женщин в России. Первыми активно поддержали права женщин на образование и изменение правового статуса публицисты демократического направления. Они также критиковали домостроевские семейные нормы. Консервативные мыслители оценивали эмансипацию как моральную угрозу семье, обществу и самим женщинам и настаивали на сохранении традиций. В русской философии пола мужское и женское начала трактовались как космические и метафизические принципы, но с сохранением традиционной бинарной иерархии. Эмансипация, как правило, осуждалась, хотя В. В. Розанов активно выступал за реформу брачно-семейного законодательства. В классической литературе наряду с сохранением традиционных семейно-материнских героинь нашли отражение и новые образы («тургеневских девушек», нигилисток, женщин, бросающих вызов старым семейным нормам). Несмотря на противоречивость идей и позиций, к концу XIX в. идея и практика эмансипации стали реальностью в России.

Ключевые слова: женщины, эмансипация, права, консерватизм, революционные демократы, русская философия пола, образы женщин в литературе

Для цитирования: Воронина О. А. Роль женщин в русской культуре: позиции мыслителей XIX в. // Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 102—118.

Original article

THE ROLE OF WOMEN IN RUSSIAN CULTURE: THE POSITIONS OF THINKERS OF THE XIX c.

Olga A. Voronina

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, olga-voronina777@yandex.ru

Abstract. The purpose of this article is, firstly, to describe the ideas about the role of women in Russia in the XIX c., and, secondly, to highlight the most significant positions presented in the journalistic, political, philosophical and fictional works of Russian thinkers of that time. Democratic publicists actively advocated the expansion of women's education, criticized reactionary church dogmas about the second-rate status of women, demanded changes in traditional (barbaric) family norms. Conservative thinkers viewed the inequality of men and women in Russia as natural and appropriate to the proper social order. They argued that emancipation contradicts divine laws, it is alien to Russian culture and poses a threat to the stability of society. However, some of them supported the expansion of women's education. The so-called Russian philosophy of sex is characterized by significant contradictions. On the one hand, masculine and feminine as cosmic and metaphysical principles were included together in theosophical concepts. On the other hand, these ideas went hand in hand with the traditional assertion of the secondary nature of women in relation to the men. Both "metaphysical" and biodeterministic arguments are given to substantiate this thesis. The emancipation of women was as a rule sharply condemned, although one of the philosophers of this direction — V. V. Rozanov — actively advocated the reform of marriage and family legislation. In the classical Russian literature of the second half of the XIX c., along with the preservation of traditional family and maternal characters, new images were reflected. Thus, the European-oriented I. S. Turgenev created a new female image. The "Turgenev girls" are characterized by sincerity, nobility, high moral demands, moral duty and the desire to serve people. This image carries a request for renewal and the search for social justice, but it preserves both traditional femininity and beauty, which were very important for Turgenev. The playwright A. N. Ostrovsky devoted the main attention in his works to the description of patriarchal family norms. As in life, the fate of his heroines is determined by traditions. The protest against them does not go beyond the marriage sphere, his heroines decide only to protest for the sake of free love. Throughout his work, Leo Tolstoy preached the idea of the family destiny of women and the preservation of patriarchal traditions. However, in the "Kreutzer Sonata" he angrily denounces sexuality and women, whom are responsible for it and calls them "the devil's tool". Tolstoy proclaims his final ethical manifesto on the need for complete sexual abstinence of all mankind in the name of morality. The promotion of such a pan-moralist ideal of universal sexual abstinence is perceived at best as utopianism, and at worst as an extreme expression of the misanthropy of the great Russian writer. It is concluded that despite all the contradictions in the perception of the idea of emancipation, it firmly entered the minds of women by the end of the XIX c.

Key words: women, emancipation, rights, conservatism, revolutionary democrats, Russian philosophy of sex, women's images in literature

For citation: Voronina, O. A. (2022) Rol' zhenshchin v russkoĭ kul'ture: pozitsii mysliteĭ XIX v. [The role of women in Russian culture: the positions of thinkers of the XIX c.], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 4, pp. 102—118.

В последнее время все чаще встречается мнение, что социальное равенство мужчин и женщин, более активное участие женщин в социальной и политической жизни общества исторически нехарактерны для нашей страны. Однако стоит напомнить, что в России уже со времен Петра I начался процесс модернизации общества, который в числе прочего предполагает эмансипацию женщин от традиционных социальных норм и ограничений.

Цель данной статьи — показать, как в XIX в. развивались идеи о роли женщин в России, и выделить наиболее значимые позиции, представленные в публицистических, политических, философских и беллетристических произведениях отечественных мыслителей того времени.

Ю. М. Лотман писал, что в XVIII — начале XIX в. роль женщины в культуре становилась все более значимой. Он отмечал, что вхождение женщин в мир, ранее считавшийся «мужским», началось с чтения художественной литературы: «...женский характер в те годы, как никогда, формировался литературой. <...> Особенно важно... что... женщина постоянно и активно усваивала роли, которые отводили ей поэмы и романы» [Лотман, 1994: 64]. В эту эпоху возникли три стереотипа женских образов, которые из поэзии вошли в девичьи идеалы и реальные женские биографии, а затем — в эпоху Некрасова — из жизни вернулись в поэзию. Первый — образ ангела, нежно любящей женщины, жизнь и чувства которой разбиты при столкновении с жестокостью общества. Второй тип — демоническая женщина, презирающая общественные нормы. Третий — женщина-героиня [там же: 65—67]. Как видим, эти женские образы существенно отличаются от образов женщин с предписываемой им ранее ролью замкнутой в домашнем пространстве матери семейства.

Еще более значимые изменения в общественных взглядах на роль женщины произошли под влиянием Отечественной войны 1812 г. Знакомство участвовавших в ней людей с бытом и культурой Европы оказало сильное влияние на русское общество. Постепенно сформировались идеи о необходимости значительных политических и культурных изменений. Г. А. Тишкин, изучивший публицистику 50—60-х гг. XIX в., отмечает, что основными темами в ней были отмена крепостного права, ограничение и даже уничтожение самодержавия, отмена цензуры, ликвидация телесных наказаний. В журналах и альманахах того времени активно обсуждался и женский вопрос, который И. А. Гончаров назвал одним из «вопиющих по своей несправедливости вопросов» (цит. по: [Тишкин, 1984: 59]).

В то время основной для женщин была семейная роль. Их права на получение высшего и профессионального образования, на труд вне дома были существенно ограничены. Женщины не имели своих паспортов (они были вписаны в паспорт отца или мужа) и не могли свободно путешествовать без их разрешения. Тем временем в обществе развивались идеи о необходимости предоставления женщинам больших прав и свобод и в общественной, и в личной жизни. Эти идеи, как правило, не были оформлены как единая концепция ни одним из их сторонников (по крайней мере до распространения марксизма), каждый участник дискуссии акцентировал внимание на каком-либо одном, наиболее важном, с его точки зрения, аспекте. Противники эмансипации женщин настаивали на необходимости сохранения патриархальных традиций, но при этом также не стояли на одной позиции.

Женский вопрос в революционно-демократической публицистике

Первая дискуссия о женском вопросе была инициирована публицистом М. Л. Михайловым, апологетом женской эмансипации. Благодаря статьям, написанным им в 1859—1865 гг., эта тема стала неотъемлемой частью российской интеллектуальной жизни. Работы Михайлова были ответом на антифеминистские идеи двух западных интеллектуалов. Либеральный националист Ж. Мишле считал женщину биологически несовершенным существом, которое исключено из образования «самой природой». Он утверждал, что ее предназначение — любить и служить своему мужу, растить его детей. Социалист П.-Ж. Прудон полагал природно-обусловленной интеллектуальную неполноценность женщины и необходимость ее подчинения мужчине как господину. В Европе взгляды Мишле и Прудона вызвали бурные возражения, особенно со стороны последователей Сен-Симона. Подробное рассмотрение и аргументированная критика взглядов Мишле и Прудона в статьях Михайлова дали импульс к обсуждению проблем женского образования, труда и положения в семье. «Эмансипация женщины началась, и остановить ее невозможно... Пока мы будем считать женщину существом больным и жалким, как Мишле, самкой, как Прудон, рабой, как средневековые учителя, куклой, как современные романисты, невозможны ни нравственная твердая семья, ни нравственное и здоровое воспитание новых поколений, стало быть, невозможны и успехи общества. Только в признании за женщиной человеческих и гражданских прав — охрана от страшного разврата, разъедающего современное общество...» — писал Михайлов [Михайлов, 1859: 164—165]. Важно подчеркнуть, что его творчество опровергает расхожий миф о том, что идеи эмансипации женщин навязываются России Западом. В данном случае мы видим, что западные интеллектуалы стояли на традиционных биодетерминистских позициях, а отечественный мыслитель продемонстрировал более прогрессивные взгляды.

В середине XIX в. в России складывается демократическое направление общественной мысли, наиболее видными представителями которого являлись В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. П. Огарёв, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Н. А. Некрасов, Н. П. Суслова. Идейным центром социальных преобразований в России в 1850—1860 гг. были журналы «Отечественные записки» и «Современник», в которых печаталось много публицистических статей по женскому вопросу. В. Г. Белинский выступал за расширение женского образования, критиковал традиционные семейные устои, но с уважением относился к материнству. Как показывает исследовательница его творчества Л. П. Костюкевич, Белинский резко критиковал взгляды на «природу» женщины и утверждал, что причиной подчиненного и второстепенного положения женщины является не ее природа, а злоупотребления грубой материальной силой мужчины, полуварварского, немного восточного устройства общества (см.: [Костюкевич, 2003]). Публицист был убежден, что освобождение женщины от семейного и общественного гнета — составная часть программы переустройства общества на новых социальных началах. Он верил, что настанет время, когда женщина не будет рабой общества и мужчины [там же].

Н. А. Добролюбов также написал ряд статей, направленных на защиту женщин от домашней тирании, против их зависимости от мужчин. Он поддерживал идею предоставления женщинам возможности получать более широкое

и глубокое образование, хотя и настаивал на необходимости специальной методики преподавания для женщин в связи с «преобладанием у учениц чувства над рассудком». Идею глубокого женского образования, в том числе естественно-научного, поддерживал публицист-демократ Д. И. Писарев. Помимо этого, он резко критиковал реакционные церковные догмы о предопределенности зависящего, второсортного положения женщин в семье и обществе (см.: [Тишкин, 1984: 89—97]).

Программный роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» был новым словом в литературе*. Герои романа строят свою жизнь вопреки традициям. Главная героиня Вера Павловна отказывается подчиниться воле матери, которая принуждает ее к выгодному браку с нелюбимым человеком. Она заключает фиктивный брак с «прогрессивно мыслящим студентом», который не претендует на супружеские права, но обеспечивает жену материально. Впоследствии Вера Павловна организует швейную коммуну для девушек-работниц, попутно просвещая их и предлагая равноправное распределение доходов. Позже у Веры Павловны случается роман с другом своего мужа, и они счастливо живут втроем в семейном доме. По свидетельствам современников, роман произвел чрезвычайно сильное впечатление на молодежь, несмотря на его довольно скромные литературные достоинства. В этом романе впервые, пусть и в утопической форме, был предложен новый тип отношений мужчины и женщины и новый образ самой женщины.

Женский вопрос в политической философии консерватизма

Не считая женский вопрос важным, консерваторы не могли избежать его обсуждения. Для некоторых издание на русском языке работы английского философа-протофеминиста Дж. Ст. Милля «Подчиненность женщины» (1870 г.) послужило толчком к написанию критических статей. Главный критический удар консерваторы направили против идеи права как такового и прав женщин в частности. Так, Н. Н. Страхов был убежден, что русское общество не ценит политические права, что даже мужская часть населения не обладает ими и что для России этот вопрос не имеет существенного значения. Другие мыслители, вопреки очевидному, утверждали, что русские женщины обладают значительным объемом гражданских прав, что нормальные женщины не хотят иметь больше свобод, а так называемые эмансипе — это извращение женской природы. Эмансипацию консерваторы считали признаком нравственной деградации общества и причиной разрушения авторитета религиозной и родительской власти. Женщин, которые сознательно отвергают предписанную обществом семейно-материнскую деятельность, Страхов называет беспольными и развратными. По его мнению, решение женского вопроса по Миллю (т. е. предоставление женщинам равных гражданских и политических прав) приведет к «нравственной анархии», к краху представлений о женской красоте, достоинстве и «чисто женских интересах» (подробнее см.: [Козлова, 2014]). В статье «Женский вопрос» он заявил,

---

* Я рассматриваю его в данном разделе, а не в литературном, поскольку он скорее является манифестом нового человека, чем собственно романом.

что та, кто отказывается от идеала жены и матери, доведет себя до нравственно-го уродства (см.: [Башмакова, 2018]).

Вызывает удивление тот факт, что рациональным рассуждениям Милля умные и образованные отечественные консерваторы противопоставляли биологичестские, теологические и просто бытовые аргументы. Так, К. П. Победоносцев апеллировал к тому, что поскольку Богу присвоено имя Отца, ему (и мужчине) должна подчиняться женщина. П. А. Вяземский полагал, что нельзя установить равноправие между прекрасным и «вообще некрасивым полом», что настоящее, природою указанное, святое место женщины есть дом, семейный очаг. К. П. Победоносцев утверждал, что женщинам не место ни на кафедре, ни в народном собрании, ни в церковном учительстве, потому что они от природы обладают качествами, несовместимыми с теми, которые требуются в публичной сфере (см.: [Козлова, 2014: 203—205]). По общему мнению консерваторов, физическая слабость женщин влечет за собой недостаток в них моральных добродетелей и интеллектуальных способностей. При этом, определяя семью как основное место жизнедеятельности женщины, консерваторы, тем не менее, считали главой семьи мужа по аналогии с тем, что Христос — глава церкви [Шевырёв, 2010: 259].

В целом оценивая позицию консерваторов по женскому вопросу, следует отметить, что они рассматривали неравенство мужчин и женщин в России как естественное и соответствующее должному социальному порядку. Идеи и процессы эмансипации они, наоборот, считали противоречащими божественным законам, чуждыми российской культуре и представляющими угрозу стабильности российского общества. Иными словами, консерваторы поддерживали традиционный гендерный порядок.

Философия пола

Это название включает несколько своеобразных направлений в русской религиозной философии, которые по-новому трактовали платоновские идеи об андрогине как соединении мужского и женского начал, о созидательно-творческой энергии Эроса (в античном, символическом смысле) и о роли и значении половых различий в системе мироздания. Философия/теология/метафизика пола была довольно влиятельным течением в России в конце XIX в., а некоторые ее представители вновь стали популярны в нашей стране и в конце XX в. Для философов этого направления характерны попытки осмыслить и включить в теософию мужское и женское начала, телесность человека в целом. В этой статье я остановлюсь на идеях только двух мыслителей — Н. А. Бердяева и В. В. Розанова, поскольку они активно участвовали в обсуждении женского вопроса.

В трудах Н. А. Бердяева причудливо переплелись софиология В. С. Соловьёва, православие с его языческими мотивами поклонения матушке-земле и античные представления об Эросе. Утверждая, что «половая полярность есть основной закон жизни и, может быть, основа мира» [Бердяев, 1989b: 15—16], он, тем не менее, считал, что истинная сущность человека андрогинна. Причиной «раскола» на мужской и женский пол (т. е. половины) стало, полагал Бердяев, грехопадение Адама и Евы. С этого момента человек стремится к воссозданию своей андрогинной природы разными способами: через сексуальность,

которая, по мнению Бердяева, лишь имитирует соединение, но в действительности онтологически разъединяет, поскольку отравлена грехопадением; через семью, пытаясь искупить первородный грех посредством деторождения. Но это ложные пути, утверждал Бердяев. По его убеждению, подлинная целостность человека обретается с помощью отказа (преодоление) от тленной половой природы и мистического превращения в божественного андрогина. Это достигается посредством божественной брачной мистерии Логоса (мужское начало) и души мира (женское начало): «Душа мира — земля — женственна по отношению к Логосу — светоносному Мужу и жаждет соединиться с Логосом, принять его внутрь себя» [Бердяев, 1989а: 308]. В божественном андрогине в духовном смысле сольются две противоположности — мужское (рациональное) и женское (душевное) начала. Очевидно, что категории пола, т. е. мужское и женское, Бердяев считал космическими, а не антропологическими понятиями. Именно поэтому он делает вывод, что призвание женщины — это не деторождение, но явление Вечной женственности, которая вдохновляет мужчину на высокое творчество. Достижение божественного андрогинного состояния возможно не через физическое, но через мистическое и «оргастическое» слияние в творческом акте. В преодолении физиологии пола рождается новый человек, восстанавливающий в себе андрогинный образ Бога [Бердяев, 1991: 253].

Как видим, Бердяев предложил очередную теософскую утопию, посредством которой природный человек должен отрешиться от своей «грязной» сущности и возвыситься до божественного. Очевидно, что, несмотря на рассуждения о Вечной женственности и Софии, сами «природные» женщины воспринимаются Бердяевым как нечто изначально негодное, что может и должно стать чем-то полезным для мужского творчества только через отказ от «пола».

Обращаясь к современным ему социальным процессам, в частности к эмансипации, Бердяев оценивает ее неоднозначно. С одной стороны, он поддерживает освобождение женщин от семейного рабства. С другой — утверждает, что уравнивание статуса женщин означает отрицание Вечной женственности. По его мнению, оно заключается в том, чтобы воплощать женское метафизическое начало как *дополнительное* к мужскому.

В. В. Розанов резко выступал против разделения духа и тела и отвержения телесных радостей в христианстве. Он утверждал, что аскетизм христианства сделал его бесчувственным к теплу жизни, в то время как «связь пола с Богом большая, чем связь ума с Богом, чем даже совести с Богом...» [Розанов, 1912: 119]. Розанов полагал, что человек через пол включен в порядок природы. Деторождение, писал Розанов, вовсе не загоняет человечество в дурную бесконечность смертей и рождений, а помогает преодолеть смерть. Пол (посредством деторождения) физиологически соединяет человека с родом, а метафизически — с Богом. В статье «Брак и христианство» Розанов провозгласил, что семья является наивысшей религиозной ценностью, поэтому религия содержит в себе «половой» смысл. Описывая души мужчин и женщин, которые, по Розанову, дополняют друг друга, он придерживался традиционного полового символизма: «мужская душа в идеале — твердая, прямая, крепкая, наступающая, движущаяся вперед, напорающая, одолевающая», а женская — мягкая, податливая, уступчивая. Основным таинством супружества являются мистические, сакральные

и одновременно связанные с полом зачатие и рождение детей, их взросление и созревание для будущего воспроизводства [Розанов, 1995: 107]. В отличие от Бердяева, для которого путь к совершенству человека лежал через сублимацию энергии пола в творчество, Розанов, по мнению В. Б. Шкловского, искал духовности «здешней», принадлежащей посюстороннему миру и пронизывающей земную, домашнюю, теплую и уютную жизнь [Шкловский, 2015:10].

Помимо создания своей версии метафизики пола, Розанов много внимания уделял изучению конкретных социальных проблем, возникающих в сфере брачно-семейных отношений. По многим вопросам он занимал прогрессивные позиции: критиковал практику отсутствия у женщин собственных паспортов; выступал за облегчение процедуры развода, признание прав незаконнорожденных детей, предоставление женщинам больших прав в сфере труда и образования. Наиболее предпочтительными сферами труда для женщин он называл учительство (особенно в сельских школах) и врачевание (в женских заведениях). Он полагал, что «природные качества» женщин (трудолюбие, практичность, честность, склонность к заботе о ближнем) помогут им эффективно исполнять «промежуточные административные обязанности» в лечебницах, госпиталях, аптеках, в родовспомогательных заведениях» [Розанов, 2004: 621]. При этом Розанов не считал зазорным труд женщин, вынужденных вместо заботы о семье зарабатывать себе на жизнь, и выступал за равную оплату мужского и женского труда. Более того, он высказал мысль о полезности использования женских талантов для общества: государство «нужный талант должно брать там, где он лежит» [там же: 622, 623].

Однако в целом роль женщин в жизни общества Розанов описывал с традиционно-консервативных позиций. Так, он заявлял, что их основное занятие — рождение и воспитание детей: «Девушки... Вы посланы в мир животом, а не головою: вы — охранительницы Древа Жизни...» [Розанов, 1990: 103]. Он считал, что стремление мужчин доминировать, а женщин — подчиняться заложено в них природой; что разделение сфер деятельности на мужские и женские носит постоянный характер и не должно нарушаться. Характерными качествами женщины, по его мнению, являются скромность (вплоть до робости), мягкость, кротость, молчаливость, уступчивость, чуткость к чужому мнению и проблемам мужчины. Для него одним из ключевых качеств женщин выступает выжидательная пассивность, которая провоцирует активность мужчины, создает притяжение пола и призывает «заполнить полость» (см.: [Желтикова, 2019: 305]). Более того, в одной из своих статей Розанов заявляет: «Мне не нужна “русская женщина” (Некрасов и общественная шумиха), а нужна русская баба, которая бы хорошо рожала детей, была верна мужу и талантлива» (цит. по: [там же: 303]).

Взгляды Розанова на роль женщин противоречивы и включают крайне консервативные относительно их предназначения, умеренно либеральные в области получения женщинами образования для «подходящих» им профессий и радикальные для того времени в таких вопросах, как упрощение процедуры развода и повышение оплаты женского труда.

Важно подчеркнуть двойственность и противоречивость взглядов русских философов. Включение женского/материнского начала как метафизического и космического принципа в их теософские концепции сочеталось с традиционным

утверждением вторичности женщин по отношению к мужчинам. Вслед за Платоном мужское начало трактовалось как «содержание», которое оплодотворяет и одухотворяет женскую «форму» (В. Соловьёв, Н. Бердяев, С. Булгаков, Д. Мережковский, П. Флоренский). Так, если в теологии пола В. С. Соловьёв прославлял женское начало Софии — Премудрости Божьей, то в «Смысле любви» он писал иное: «...человек должен творить и созидать *свое женское дополнение* (курсив мой. — О. В.). Что мужчина представляет активное, а женщина — пассивное начало, что первый должен образовательно влиять на ум и характер второй — это положения азбучные...» [Соловьёв, 1991: 58]. «Женщина существо совсем иного порядка, чем мужчина. Она гораздо менее человек, гораздо более природа», — утверждал Н. А. Бердяев [Бердяев, 1989а: 432]. «Обладание полом» (в биологическом смысле) и приверженность «половой» (сексуальной) стихии приписывается только женщинам: «Женщина вся пол, ее половая жизнь — вся ее жизнь, захватывающая ее целиком, поскольку она женщина, а не человек» [там же]. В. В. Розанов писал: «Мужчина — Я. Женщина — твоя» [Розанов, 1995: 161]; «Я мужчины — с гору величиной, Я женское... да оно просто прислонено к мужскому» [там же: 163]. Нормативность маскулинности, утверждает другой русский философ, «полнота человеческих сил и способностей раскрыта была в истории преимущественно мужчиною, и все, раскрывшееся в мужчине и им утвержденное вне сферы непосредственных влияний пола, мы условились считать нормативно-человеческим» [Иванов, 1908]. При этом утверждаемое философами отсутствие индивидуально-личностного начала в женщине отнюдь не оценивается ими негативно. По их мнению, именно оно позволяет фемининному началу быть посредником, медиатором и цементирующим началом между другими «Я», т. е. мужчинами.

Иными словами, в космическом и метафизическом смыслах мужское трактуется философами пола как аполлоновское начало формы, идеи, логоса, культуры, личности, разума, права и закона. Женское — это прежде всего материнское начало материи, природы, пола, рода, семьи, бессознательного, эмоционального, смиренного, милосердного. Такая вот гендерная метафизика.

Женский вопрос в литературе: Тургенев, Островский, Толстой

Общепризнано, что русская классическая литература сыграла чрезвычайно важную роль в формировании национального самосознания. С середины XIX в. писатели не могли обходить вниманием обсуждение важных социальных вопросов, в том числе и женского. Литераторы разных направлений показывают крушение традиционных моральных устоев на примере своих героинь. В данной статье я подчеркну основные позиции по женскому вопросу трех писателей. Мой выбор обусловлен тем, что в их творчестве имманентно представлено сознание трех слоев тогдашнего российского общества: дворянства, купечества, так называемых разночинцев — и зарождающейся интеллигенции.

И. С. Тургенев в своих романах и повестях описывал как «старую», патриархальную Русь, так и происходящие изменения, появление новых идей и новых людей. Относительно изменения роли женщин в обществе позиция писателя была довольно противоречивой. С одной стороны, он поддерживал романы Жорж Санд, в которых она проповедовала идеи эмансипации женщин. С другой —

в повести «Два приятеля» он создал ироничный образ женщины-эмансипе. Позже на этой основе в романе «Отцы и дети» он нарисовал еще более карикатурный типаж псевдонигилистки Кукшиной.

При этом Тургенев не мог обойти вниманием изменение женского самосознания, и потому он предлагает свой вариант ответа на вопрос. Писатель создал новый женский образ, который впоследствии получил наименование «тургеневской девушки». Таковы Наталья Ласунская («Рудин»), Лиза Калитина («Дворянское гнездо»), Елена Стахова («Накануне») и другие. Для «тургеневской девушки» характерны «кротость, преданность, искренность, благородство, для нее самый важный критерий счастья — это чистота совести, она обладает мощным потенциалом внутренней силы, основанным на чувстве нравственного долга» [Сосина, 2018: 77]. Эти девушки наделены милой красотой, склонны к романтизму в поисках чистой любви, умны, образованны, для них характерны вера в Бога и желание помогать другим вплоть до принесения себя в жертву. Мне кажется, этот образ является попыткой Тургенева предложить свой вариант новой женской роли. Образ «тургеневской девушки» несет в себе запрос на обновление и поиск социальной справедливости, но в нем сохранена и традиционная женственность, и красота, что было очень важным для Тургенева.

Второй тип тургеневской героини — «демоническая женщина» — безнравственная и жестокая соблазнительница, подчиняющая мужчин своей власти. Таковы, например, Варвара Павловна («Дворянское гнездо»), Анна Сергеевна Одинцова («Отцы и дети»), Ирина («Дым»). Третий типаж — мать семейства — вполне традиционен. Он предстает в двух вариантах. Один из них — богатая барыня, хозяйка усадьбы, которая чувствует себя королевой в своей гостиной (как, например, Дарья Михайловна Ласунская или Марья Дмитриевна Калитина). Таким женщинам нравится успех в свете, они жаждут обожания и не замечают фальши окружающей их обстановки. Другой вариант — недалекая, хлебосольная, патриархальная матушка Евгения Базарова Арина Власьевна; мать Елены Стаховой Анна Васильевна, «маленькая худенькая женщина с тонкими чертами лица, склонная к волнению и грусти».

Как видим, И. С. Тургенев в описании женских образов следовал вполне традиционной схеме: ангел («тургеневская девушка»), блудница и мать. Он полагал, что идеал женственности требует вознесения его на пьедестал и поклонения, но он никогда не считал женщину ровней мужчине. Тургенев с презрением осмивал все, что выходит за рамки традиционно понимаемой женственности: «...свободно мыслят между женщинами только уроды...», «...хорошеньким женщинам вовсе не нужно понимать нашу беседу» (цит. по: [Грескунов, 1976: 236]).

Ранним произведениям А. Н. Островского свойственна идеализация патриархальности и обеспокоенность разрушением традиционных семейных устоев. Однако после резкой критики со стороны Н. Г. Чернышевского и более тесного сотрудничества с журналом «Современник» позиция А. Н. Островского меняется. В частности, в знаменитой пьесе «Гроза» он скорее выступает критиком косного и отсталого патриархального мира — такова, например, оценка этой пьесы Н. А. Добролюбовым в статье «Луч света в темном царстве». Эту характеристику поддержал А. И. Герцен, отметивший, что Островский показал душу

русской женщины, которая «задыхается в тисках неумолимой и полудикой жизни патриархальной семьи» (цит. по: [Ужанков, 2017: 180]).

Как и многие писатели того времени, драматург не мог избежать рассмотрения в своих произведениях темы женской судьбы в традиционном обществе и попыток женщин обрести свободу выбора на основе своих чувств. Так, центральная тема в пьесе «Гроза» — это протест молодой купеческой жены Катерины против «темного царства» домостроевской семьи, против тирании и самодурства Дикого и Кабанихи. Главную героиню Катерину, которая впервые испытала любовь и изменила мужу, оценивают по-разному. Одни исследователи (и такая точка зрения поддерживалась в советской школе) считают ее борцом против социальных предрассудков. Другие полагают, что поскольку в этой пьесе писатель еще сохранил некоторую приверженность патриархальным основам и моральным догмам «Домостроя», то Катерину Островский скорее осуждает. Как справедливо отмечает А. А. Ревякина, в этой ранней пьесе драматург не сумел разрешить свои внутренние противоречия между патриархально-славянофильской и прогрессистски-западнической позицией и не сумел до конца обнаружить собственную позицию, фактически смешав обличительную комедию о «темном царстве» самодуров с драмой незрелой женской души, пытающейся противостоять тирании [Ревякина, 2015: 135].

Именно эта двойственность дает основания некоторым современным исследователям утверждать, что для Островского домостроевская семья не была синонимом косности. Например, А. Н. Ужанков предлагает новую интерпретацию пьесы «Гроза». Он считает, что Островский возлагает вину за крах патриархальной семьи на персонажей вроде Кабанихи и Дикого. Согласно идеалам «Домостроя», семья — это «малая церковь», в ней главенствует мужчина, подчиняющийся лишь Богу. Такая семья рушилась в России в XIX в. А. Н. Ужанков полагает, что Островский описывал эту проблему и видел причину в безвольности молодых мужчин, неспособных быть главой семьи и управлять женщинами. Смысл драмы, считает ученый, в том, что Кабаниха и Дикой разрушили мужскую власть в семье, а Катерина «вне умного управления мужчиной» согрешила [Ужанков, 2017: 187]. Интерпретация непривычная, но, на мой взгляд, вполне обоснованная. В ее пользу говорит и тот факт, что Островский «наказывает» Катерину ее собственными руками.

В пьесе «Поздняя любовь» он вновь обращается к теме противоречий между традиционными нравственными ценностями и новыми веяниями, когда жизнь «по обычаю» уступала место жизни «по своей воле». Главная героиня Людмила преступает моральные нормы — ради любви обворовывает отца. Она поступает так по своей воле и в борьбе за свое счастье. «Любовь для меня все, любовь мое право» — под этим девизом происходит «бунт» тихой девушки из московского захолустья. Непосредственное чувство опирается уже на сознание своего права на любовь — вот что ново [Москвина, 2009: 86—89]. Пьеса кончается благополучно, т. е. драматург не осуждает Людмилу за преступление. Островский касается женского вопроса в его узком варианте: судьба всех его героинь, как и в жизни того времени, определяется браком и семьей. Их протест не носит широко социального характера, его героини решаются противостоять

тирании только ради свободной любви; это Юлия Тугина («Последняя жертва»), Аннушка («На бойком месте»), Лариса («Бесприданница»).

Взгляды Л. Н. Толстого на женщин значительно трансформировались на протяжении его жизни. В романах Толстого много разнообразных женских образов, выписанных в целом доброжелательно, героини его романов, как правило, красавицы. Даже тех из своих героинь, кто совершил моральный проступок, автор осуждает не напрямую, персонально, а показывает социальные причины, которые привели женщин к моральному падению. В этической концепции писателя основная причина грехопадения — отказ от семейного пути или неправильное поведение в семье. Вообще тема семьи, дома, брака, «мысль семейная» занимали в творчестве писателя значительное место. Так, «Анна Каренина» начинается с известного рассуждения о счастливых и несчастных семьях; в «Войне и мире» описанию семейной жизни уделяется огромное внимание; даже в романе «Воскресенье» и Маслова, и Нехлюдов много размышляют о семье. Писатель проводит своих героинь через разнообразные испытания «светской жизнью», внебрачными романами, любовной страстью. Тех, кто не выдержал испытаний, он «карает»: Элен — ранней смертью; невинную поначалу Катюшу Маслову превращает в проститутку; Анну Каренину делает в конце романа почти наркоманкой и «бросает» под поезд. А вот Наташа Ростова, которая преодолела «искушение страстью», вознаграждена счастливым браком. Толстой довольно однозначно показывает, что истинное счастье женщины заключается в заботе о семье и служении мужу. Именно этой цели подчинено описание идиллии в семье графа Ростова, а позже в семье Наташи и Пьера. Эта же тема продолжается в «Анне Карениной», где отсутствию интереса к «домостроительству» у Анны противопоставляются усилия Левина и Кити. При этом идеальная семья у Толстого выглядит патриархально: жизнь и труд на своей земле, устроенный по-русски (а не на западный манер) быт, рождение большого числа детей и подчинение жены мужу. «...Хорошая семейная жизнь возможна только при сознании, воспитанном в женщинах убеждении в необходимости всегдашнего подчинения мужу», — писал он (цит. по: [Андреева, 2021:195]).

В «Крейцеровой сонате», одном из последних произведений писателя, фактически представлен его итоговый этический манифест, суть которого заключается в полном половом воздержании человечества во имя нравственности. Оправданием плотских отношений, по мнению главного героя Позднышева (этого альтер эго Толстого), не может служить даже рождение детей, от которого необходимо воздерживаться во имя нравственности. Чадолубие своей жены он ставит ей в вину на том основании, что она постоянно была занята детьми и их болезнями (!), и потому «правильной семейной жизни не было из-за детей» [Толстой, 1928: 19]. Толстой со свойственной ему безапелляционностью пишет: «Женщина... орудие дьявола. Она вообще глупа... не может понять самой простой вещи, не соображает дальше настоящей минуты, и нет ни выдержки, ни терпения, кроме деторождения и детоухаживания» [там же: 208].

Женщины означают для героя рассказа зло как таковое, поскольку они «устроили из себя такое орудие воздействия на чувственность, что мужчина не может спокойно обращаться с женщиной»: «Как только мужчина подошел к женщине, так и подпал под ее дурман... мне... хочется крикнуть полицейского,

звать защиту против опасности, потребовать того, чтобы убрали, *устранили опасный предмет*» (курсив мой. — О. В.) [там же: 69—70]. Позднышев боится женской чувственности, поскольку она — и это совершенно очевидно — будит его непомерные телесные желания, которые он (по воле автора) должен обуздать. Вину за собственную сексуальную одержимость (по известным механизмам работы психики) Позднышев переносит на образ страстно желаемой женщины, которая фактически символизирует вселенское зло чувственности. Так возникает необходимость радикально уничтожить этот «опасный предмет» как причину, не позволяющую преодолеть собственный грех влечения.

«Крейцерова соната» произвела значительное, хотя и далеко не однозначное впечатление на современников Толстого, и даже до выхода в свет (а первоначально ее публикация была запрещена) стала предметом широкой дискуссии. Жена писателя Софья Андреевна написала в своем дневнике: «...я... почувствовала, что эта повесть направлена в меня, что она сразу нанесла мне рану, унизила меня в глазах всего мира и разрушила последнюю любовь между нами» (цит. по: [Шорэ, 2003]). Ей было неприятно это произведение, она увидела в женском образе гротескное изображение себя.

Л. Н. Толстой был поражен тем, что большинство читателей не разделяют идей, высказанных Позднышевым. Именно поэтому позже он написал послесловие, в котором попытался еще раз дать обоснование идеалу всеобщего полового воздержания во имя нравственности и достижения всеобщего единения. Эти идеи Толстого лежат в русле русской духовной традиции метафизического всеобщего единения. Стремление так или иначе «объединять народ» отличало многих русских мыслителей — А. С. Хомякова, В. С. Соловьёва, Н. Ф. Фёдорова. Во многом это направление философской мысли проистекает из свойственного русскому самосознанию стремления к коллективизму как противоположности «западному индивидуализму». И Толстого вовсе не смущает, что ценой проповедуемого им единения выступает физическое выживание человечества. В одном из писем от 6 ноября 1888 г. он писал: «Род человеческий прекратится? Прекратится животное-человек. Экая беда какая. Выродились допотопные животные, выродится и человеческое животное... Пускай его прекращается. Мне так же мало жалко этого двуногого животного, как и ихтиозавров... только бы не прекратилась жизнь истинная... А это не только не прекратится, если род человеческий прекратится от того, что люди отрекутся от наслаждений похоти, но увеличится в бесчисленное число раз, и существа, испытывающие (духовную) любовь, сделаются такими, что продолжения рода человеческого для них не нужно будет» [Мужские ответы... , 2005: 28]. Выдвижение такого панморалистского идеала всеобщей половой абстиненции воспринимается в лучшем случае как утопизм, а в худшем — как крайнее выражение мизантропии великого русского писателя.

Заключение

С середины XIX в. среди интеллектуалов России начинают формироваться новые идеи о будущем цивилизационном развитии страны. Они включают отмену крепостного права, правовые реформы и многое другое, в том числе изменение роли и статуса женщин. Как видим, далеко не все одобряли предоставление прав и свобод женщинам. Да и те, кто поддерживал эмансипацию, нередко были несвободны от традиционных предубеждений и стереотипов.

И все же XIX в. заканчивался значительными изменениями как в реальной ситуации, так и в самосознании женщин. В немалой степени этому способствовали и экономические изменения, такие как развитие капитализма в России. На заработки вне дома потянулись освобожденные после отмены крепостного права крестьяне и крестьянки, а также дочери разорявшегося мелкопоместного дворянства. Это с неизбежностью приводило их к необходимости добиваться права на образование, на равную оплату труда.

Практическим выражением возросшей социальной активности женщин стало их участие в просветительской кампании «хождение в народ», а также в разных видах политической деятельности. К концу XIX в. женщины создают либерально-феминистские организации, примыкают к кружкам так называемых нигилистов и бомбистов, вовлекаются в рабочее революционное движение. Они по-разному понимали свой путь в борьбе за права и более справедливое общество, однако рост политической активности женщин и их поддержка со стороны прогрессивных кругов России давали надежду на успех. В XX в. значительная часть этих надежд оправдалась.

Список источников

- Андреева В. Г. Героини романов Л. Н. Толстого и «одуряющее свойство» светского существования // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 1. С. 160—209.
- Башмакова М. Классики русского феминизма: как писатели поднимали женский вопрос // Коммерсантъ. 2018. 26 мая. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3635025> (дата обращения: 01.08.2022).
- Бердяев Н. А. Философия свободы; Смысл творчества. М.: Правда, 1989а. 608 с.
- Бердяев Н. А. Эрос и личность: философия пола и любви. М.: Прометей, 1989b. 156 с.
- Бердяев Н. А. Русская идея // О России и русской философской культуре: философы русского послеоктябрьского зарубежья / сост. М. А. Маслин. М.: Наука, 1990. С. 43—271.
- Бердяев Н. Метафизика пола и любви // Русский Эрос, или Философия любви в России / сост. В. П. Шестаков. М.: Прогресс, 1991. С. 232—265.
- Желтикова И. В. В. Розанов и вопросы феминизма // Тетради по консерватизму. 2019. № 4. С. 293—305.
- Иванов В. И. О достоинстве женщин. 1908. URL: <http://ivanov.lit-info.ru> (дата обращения: 06.03.2022).
- Козлова Н. Н. Политическая философия российского консерватизма XIX — первой половины XX века: гендерные аспекты: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2014. 374 с.
- Костюкевич Л. П. Женский вопрос в русской философии и общественной мысли (первая половина XIX века): дис. ... канд. филос. наук. Мурманск, 2003. 163 с.
- Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб.: Искусство-СПБ, 1994. 399 с.
- Михайлов М. Л. Парижские письма // Современник. 1859. № 1. С. 164—165.
- Москвина Т. А. В спорах о России: А. Н. Островский: статьи, исследования. СПб.: Лимбус Пресс, 2009. 139 с.
- Мужские ответы на женский вопрос в России, вторая половина XIX в. — первая треть XX в.: антология / отв. ред. и сост. В. И. Успенская. Тверь: Феминист-Пресс, 2005. Т. 2. 351 с.

- Ревакина А. А. Интерпретация стержневых проблем творчества А. Н. Островского: (сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7, Литературоведение. 2015. № 3. С. 126—143.
- Розанов В. Уединенное. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1912. 300 с.
- Розанов В. В. Женское образовательное движение 60-х годов // Сочинения: в 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 1. С. 17—327.
- Розанов В. В. Семейный вопрос в России. М.: Республика, 2004. 828 с. (Собрание сочинений: [в 30 т.]; т. 18).
- Розанов В. В. В мире неясного и нерешенного. М.: Республика, 1995. 464 с. (Собрание сочинений; т. 6).
- Соловьёв В. С. Оправдание добра. М.: Ин-т рус. цивилизации: Алгоритм, 2012. 656 с.
- Соловьёв В. С. Смысл любви // Русский Эрос, или Философия любви в России / сост. В. П. Шестаков. М.: Прогресс, 1991. С. 19—76.
- Сосина Г. А. Типология женских образов в романах И. С. Тургенева // Интерактивная наука. 2018. № 6. С. 76—79.
- Тишкин Г. А. Женский вопрос в России в 50—60 гг. XX в. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. 239 с.
- Толстой Л. Крейцерова соната // Полное собрание художественных произведений. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. Т. 12. С. 51—126.
- Трескунов М. Жорж Санд: критико-биографический очерк. Л.: Худож. лит., 1976. 248 с.
- Ужанков А. Н. Еще раз о «Луче света в темном царстве»: (о драме А. Н. Островского «Гроза») // Новый филологический вестник. 2017. № 4. С. 179—190.
- Шевырёв С. П. Об отношении семейного воспитания к государственному // Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 223—287.
- Шкловский В. Б. Розанов: из книги «Сюжет как явление стиля». [Б. м.]: Salamandra P.V.V., 2015. 32 с.
- Шорэ Э. По поводу «Крейцеровой сонаты»...: гендерный дискурс и конструкты женственности у Л. Н. Толстого и С. А. Толстой. 2003. URL: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/pol_gender_cultura (дата обращения: 07.02.2018).

References

- Andreeva, V. G. (2021) Geroini romanov L. N. Tolstogo i “oduriaiushchee svoïstvo” svetskogo sushchestvovaniia [The heroines of L. N. Tolstoy’s novels and the “stupefying property” of secular existence], *Dva veka russkoï klassiki*, vol. 3, no. 1, pp. 160—209.
- Bashmakova, M. (2018) *Klassiki russkogo feminizma: Kak pisateli podnimali zhenskii vopros* [Classics of Russian feminism: How writers raised the women’s issue], *Kommersant*, 26 maia, available from <https://www.kommersant.ru/doc/3635025> (accessed 01.08.2022).
- Berdiaev, N. A. (1989a) *Filosofia svobody, Smysl tvorchestva* [Philosophy of freedom, The meaning of creativity], Moscow: Pravda.
- Berdiaev, N. A. (1989b) *Ėros i lichnost’: Filosofii pola i liubvi* [Eros and personality: The philosophy of sex and love], Moscow: Prometeï.
- Berdiaev, N. A. (1990) Russkaia ideia [The Russian idea], in: *O Rossii i russkoï filosofskoï kul’ture: Filosofii russkogo posleoktiabr’skogo zarubezh’ia*, Moscow: Nauka, pp. 43—271.
- Berdiaev, N. (1991) Metafizika pola i liubvi [Metaphysics of sex and love], in: *Russkii Ėros, ili Filosofii liubvi v Rossii*, Moscow: Progress, pp. 232—265.
- Ivanov V. I. (1908) *O dostoinstve zhenshchin* [On the dignity of women], available from <http://ivanov.lit-info.ru> (accessed 06.03.2022).

- Kostiukevich, L. P. (2003) *Zhenskiĭ vopros v russkoĭ filosofii i obshchestvennoĭ mysli (pervaia polovina XIX veka)*: Dis. ... kand. filos. nauk [The women's question in Russian philosophy and social thought (the first half of the XIX century): Diss. (Cand. Sc.)], Murmansk.
- Kozlova, N. N. (2014) *Politicheskaia filosofia rossiĭskogo konservatizma XIX — pervoi poloviny XX veka: gendernye aspekty*: Dis. d-ra polit. nauk [Political philosophy of Russian conservatism of the XIX — first half of the XX century: gender aspects: Diss. (Dr. Sc.)], Moscow.
- Lotman, Iu. M. (1994) *Besedy o russkoĭ kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvorianstva (XVIII — nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture: The life and traditions of the Russian nobility (XVIII — early XIX centuries)], St. Petersburg: Iskusstvo-SPB.
- Mikhaĭlov, M. L. (1859) Parizhskie pis'ma [Paris letters], *Sovremennik*, no. 1, pp. 164—165.
- Moskvina, T. A. (2009) *V sporakh o Rossii: A. N. Ostrovskii*: Stat'i, issledovaniia [In disputes about Russia: A. N. Ostrovsky: Articles, research], St. Petersburg: Limbus Press.
- Reviakina, A. A. (2015) Interpretatsiia sterzhnevnykh problem tvorchestva A. N. Ostrovskogo: (Svodnyiĭ referat) [Interpretation of the core problems of A. N. Ostrovsky's creativity: (Summary abstract)], *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura*, seriia 7, Literaturovedenie, no. 3, pp. 126—143.
- Rozanov, V. (1912) *Uedinĭnoe* [Solitary], St. Petersburg: Tipografiia A. S. Suvorina.
- Rozanov, V. V. (1990) Zhenskoe obrazovatel'noe dvizhenie [Women's educational movement], in: *Sochineniia*: in 2 vols, vol. 1, Moscow: Pravda.
- Rozanov, V. V. (1995) V mire neiasnogo i nereshĕnnogo [In the world of the unclear and unresolved], in: *Sobranie sochineniĭ*, vol. 6: Moscow: Respublika.
- Rozanov, V. V. (2004) Semeĭnyiĭ vopros v Rossii [The family question in Russia], in: *Sobranie sochineniĭ*, vol. 18, Moscow: Respublika.
- Shevyrev, S. P. (2010) Ob otnoshenii semeĭnogo vospitaniia k gosudarstvennomu [On the relation of family education to state education], in: *Izbrannye trudy*, Moscow: ROSSPĖN, pp. 223—287.
- Shklovskii, V. B. (2015) *Rozanov: Iz knigi "Siuzhet kak iavlenie stilia"* [Rozanov: From the book "Plot as a phenomenon of style"], [S. I.]: Salamandra P.V.V.
- Shorĕ, E. (2003) *Po povodu "Kreĭtserovoi sonaty"....: Gendernyiĭ diskurs i konstrukty zhenstvennosti u L. N. Tolstogo i S. A. Tolstoi* [About the "Kreutzer Sonata"....: Gender discourse and constructs of femininity in L. N. Tolstoy and S. A. Tolstoy], available from http://www.a-z.ru/women_cd1/html/pol_gender_cultura (accessed 07.02.2018).
- Solov'ev, V. S. (1991) Smysl liubvi [The meaning of love], in: *Russkii Ėros, ili Filosofiiia liubvi v Rossii*, Moscow: Progress, pp. 19—76.
- Solov'ev, V. S. (2012) *Opravdanie dobra* [Justification of good], Moscow: Institut russkoĭ tsivilizatsii, Algoritm.
- Sosina, G. A. (2018) Tipologiiia zhenskikh obrazov v romanakh I. S. Turgeneva [Typology of female images in the novels of I. S. Turgenev], *Interaktivnaia nauka*, no. 6, pp. 76—79.
- Tishkin, G. A. (1984) *Zhenskiĭ vopros v Rossii v 50—60 gg. XIX v.* [The women's question in Russia in the 50—60's. XX c.], Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta.
- Tolstoi, L. (1928) Kreĭtserova sonata [Kreutzer sonata], in: *Polnoe sobranie khudozhestvennykh proizvedeniĭ*, vol. 12, Moscow, Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, pp. 51—126.
- Treskunov, M. (1976) *Zhorzh Sand: Kritiko-biograficheskiĭ ocherk* [George Sand: Critical and biographical essay], Leningrad: Khudozhestvennaia literatura.
- Uspenskaia, V. I. (ed.) (2005) *Muzhskie otvety na zhenskiiĭ vopros v Rossii, vtoraiia polovina XIX v. — pervaiia tret' XX v.*: Antologiiia [Men's answers to a woman's question in Russia, the second half of the XIX c. — the first third of the XX c.: Anthology], vol. 2, Tver: Feminist-Press.

- Uzhankov, A. N. (2017) Eshchë raz o “Luche sveta v tëmnom tsarstve”: (O drame A. N. Ostrovskogo “Groza”) [Once again about “A ray of light in the dark kingdom”: (About the drama of A. N. Ostrovsky “Thunderstorm”)], *Novyi filologicheskiĭ vestnik*, no. 4, pp. 179—190.
- Zheltikova, I. (2019) V. V. Rozanov i voprosy feminizma [Rozanov and issues of feminism], *Tetradĭ po konservatizmu*, no. 4, pp. 293—305.

Статья поступила в редакцию 03.09.2022; одобрена после рецензирования 02.11.2022; принята к публикации 11.11.2022.

The article was submitted 03.09.2022; approved after reviewing 02.11.2022; accepted for publication 11.11.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Воронина Ольга Александровна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, г. Москва, Россия, olga-voronina777@yandex.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Leading Researcher, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).